

— На Кутузовском проспекте, — подсказала Серафима Васильевна, — я вместе с Ириной Федоровной относилась заведение туда. Но позволят ли его посмотреть? Наверняка потребуют специальное разрешение начальства.

— Это уже частности, — ответил я, продумывая, с чего начать раскручивание этой загадочной истории. Ясно было: сам никто не признается в том, что увел бриллианты. Да что бриллианты — пусть даже «медальон желтого металла 56-й пробы» или «сигаретницу белого металла 84-й пробы», или «солонку белого металла 84-й пробы»... Не говоря уже о «кофейном гарнитура фирмы Болин белого металла 84-й пробы с инициалами Федора Ивановича Шалаяпина» или там «вазе-ковше белого металла 84-й пробы с дарственной надписью великому певцу», или там «серьгах желтого металла без пробы (?)» с десятью прозрачными гранеными стекловидными камешками... Возможно, и разговаривать-то на эту тему никто не пожелает. — Надо будет основательно покопаться в самом музее Шалаяпина. Что-то ведь туда попало из квартиры Ирины Федоровны?

— Крохи... — сокрушенно покачала головой Серафима Васильевна. — Вместо мемориальных вещей дом на Новинском набит неизвестно откуда навезенными дорогой мебелью, скульптурами, картинами, хрустальными люстрами... Федор Федорович и Татьяна Федоровна, приехав туда, ужаснулись от всего этого.

«Откуда появились «дворцовые» шторы, когда в бытность хозяев на окнах висели самые простые? К чему огромные зеркала, если их Шалаяпины не любили? Зачем «золотить» потолки, когда они были самыми обыкновенными? Где черный роаль «Бехштейн», на котором играл Рахманинов?»

С роалем, надо сказать, история вообще загадочная.

В газете «Известия» директор музея имени Глинки поспешил сообщить читателям, что некогда подаренный

певцу «Бехштейн» нашли в Ленинграде. Но ведь я своими глазами видела кабинетный инструмент красного дерева с надписью «Гениальному певцу и художнику, дорогому Федору Ивановичу Шалаяпину от С.-Петербургских друзей и почитателей. 26 мая 1913 г.» в квартире Ирины Федоровны. Зачем его надо было где-то искать? Если в экспозиции другой «Бехштейн», то где тот, что стоял в квартире Ирины Федоровны?

не говорят, ничего не сообщают, просто молчат. Я считаю, что такое отношение к нам очень невежливое, если не сказать другого слова. Вообще ко мне лично действительно отношение возмутительное: как будто меня не существует. Имейте в виду, что все это, что привозит Федор для музея, в той же мере принадлежит и мне. Без моего согласия он ничем не мог бы распоряжаться. Вы думаете, мне хоть раз бы ска-

— Это письмо Татьяна Федоровна послала Духаниной до открытия музея, — пояснила Фадеева. — А вот о чем она писала позже.

Я взял из рук Серафимы Васильевны другой листок и с интересом стал читать.

«...Я надеюсь, ты получила «завешание», и многое тебе станет ясно. Где все эти вещи, которые перечислены Ириной в завещании? Мы ничего не получили, только два за-худалых коврика и серебра-

брат Федор выжили из ума и ничего не помним... И опять-таки люди, которые пишут биографию отца, даже не позаботились узнать, как звали моего деда, папиного отца. Написали «Иван Иванович Шалаяпин». Когда его имя и отчество «Иван Яковлевич».

...Вот так все и делается. Стыдно становится за Советский Союз! Я знаю людей из Соединенных Штатов, которые уже были в музее на улице Чайковского и которые имеют отношение к искусству, они с удивлением спросили меня: «Написано в журнале: «Жил и творил Шалаяпин». Где же он творил и работал, когда зал, в котором, наверное, «творил и работал» Шалаяпин, битком набит мебелью и на стенах зеркала? Все это вредит акустике и нет места артистам репетировать! Вот... что происходит, когда доверяют такую важную работу (как создание музея Шалаяпина) некомпетентным людям. Я надеюсь, что министр культуры, будучи интеллигентным человеком, поможет многое переменить. Мне неприятно, когда критикуют Советский Союз. Если хочешь, то, пожалуйста, можешь показать мое письмо кому нужно...»

Татьяна Федоровна, надо полагать, насколько переживала за увиденное в Москве, что через какое-то время снова шлет Духаниной письмо. Послушайте, что ее волнует: «...Я еще раз повторю, что все костюмы, выставленные «Глинками», не папины, и они сознались, что Дон-Кихот и Иван Грозный были взяты в Большом театре, а у папы все костюмы свои и сделаны по эскизам больших русских художников...»

...Я знаю, что г-жа Савченко после смерти Ирины делала инвентаризацию вещей в ее квартире. Когда я и Федя приехали в Москву и пошли на квартиру Ирины — она была совсем пустая, стоял только роаль (который тоже в музее) и сундук, который, нам было сказано, был пустой. Конечно, я и Федя — люди навязные и доверчивые и думали, что все это предусмотрено по закону... Министр культуры Захаров написал Федю письмо. Федя ему ответил и обещал снова поехать в Москву...

Частное расследование

Работа Г. Гребенюк — 1990. Александр АРЦИБАШЕВ

Бриллианты Шалаяпина

А куда исчезла шалаяпинская библиотека, подобранная самим Горьким? В ней было немало книг с автографами Бунина, Куприна, Андреева, других писателей. Где «кустодиевская шуба», в которой художник изобразил Федора Ивановича? Почему вместо подлижных театральные костюмы певца, присланных в дар музею сыном Шалаяпина — Борисом, выставлены костюмы, взятые в Большом театре? Понимаю негодование детей Шалаяпина в связи с музеем. Если хотите, могу показать несколько писем Татьяны Федоровны архитектору Духаниной — той самой, что реставрировала дом на Новинском бульваре.

— Разумеется, — сказал я. Серафима Васильевна вновь принялась перелистывать бумаги.

— Вот нашла. Пожалуй, — протянула она мне одно из писем.

«...В воскресенье 9 июня я еду в США. С открытием музея мне уже все надоело. Я не могу сидеть и ждать, что в последнюю минуту мне сообщат об этом событии. Ничего

зали «спасибо»? Так вот, если мне не дадут знать вовремя, я на открытие не приеду.

Так же поступают с женой моего брата Бориса. Она отдаст все портреты отца и другие портреты в Москву. Это уже Советское правительство знало давным-давно. До сих пор ни слуху ни духу. Почему? Уже все картины могли быть давным-давно в Москве. Что это за открытие, когда ничего в музее нет? Как может министерство «приказывать» открывать 1 июня и вообще какого-то числа, когда ничего не готово. Но то, что могло бы быть готово, никто об этом не заботится. Жена моего брата Хельга тоже не всегда бывает и не всегда может быть в «Коннектикуте», где у нее дом и где находятся картины. Ее давно американские музеи просили продать эти портреты отца, но она отвечала, что обещала дать в московский музей. Простите, что пишу такие противные письма, но это правда. Я и она, если бы все было в порядке, могли бы ехать из США в Москву...

Ваша Татьяна Шалаяпина.
6 июня 1988 г.»

ные вилки и ножи. Где все картины? Серебро и хрусталь?! Я ничего этого в музее не видела. И много предметов, привезенных Федей, и вещей, которые я отдала. Где папой нарисованный портрет дедушки в два рисунка Авериной (папин друг скрипач)? Ты себе представить не можешь, какая работа была с посылкой папиных театральных костюмов (семь лет тому назад), да и теперь с картинами Бориса. Что это?.. Зачем вешать картины, которые у нас в доме никогда не висели? Например, «Цыганка». Кому она нужна? Зачем в зале столько мебели и «мещанских» зеркал на стенах? А вот, мол, для картин и портретов нет места?

Я не могу понять, зачем было брать костюмы из Большого театра, откуда никогда не принадлежавшие, когда они имели настоящие, которые были сделаны по эскизам больших русских художников? Почему они, «Глинки», не посоветовались с нами, не спросили, если сами не знали? Они заявили, что они все прекрасно знают, и что я и мой